

Муниципальное бюджетное дошкольное образовательное учреждение
детский сад № 81 «Мальвина»

Подготовила: Аджиниязова К.А.

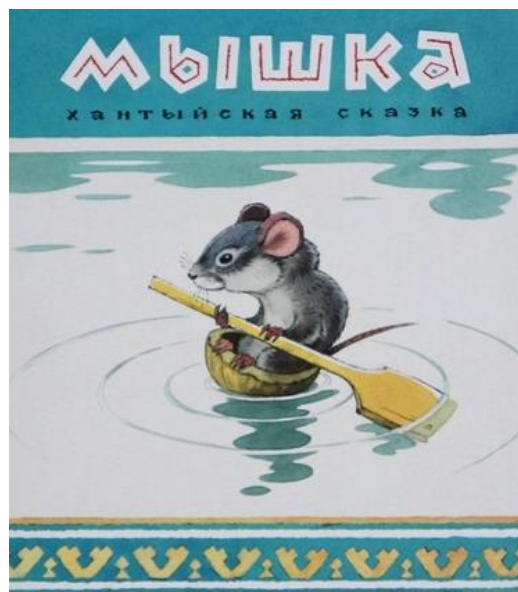
воспитатель

Картотека сказок народа ханты

г.Сургут

Хантыйская сказка «Мышка»

Жила мышка. Настала весна, задумала мышка поехать осетров и нельм ловить. Вместо лодки ореховую скорлупку взяла, вместо весла-лопаточку для шпаклевки лодки серой. Едет и напевает: – Ореховая скорлупка-лодка моя: тел, тел, тел, лопаточка-весёлко мое: пол, пол, пол. У одной деревни ребята кричат с берега: – Эй, мышка-норушка, подъезжай сладости поесть! – Какие сладости? – Со щукой. – Нет, со щукой не ем. И опять едет дальше, напевая: – Скорлупка-лодка моя: тел, тел, тел, лопатка-весёлко мое: пол, пол, пол. И опять у одной деревни ребята с берега кричат: – Эй, мышка-норушка, приставай сладости поесть! – Какие сладости? – С утиным мясом! – Нет, с утиным мясом не стану есть. И опять едет дальше, напевая: – Скорлупка-лодка моя: тел, тел, тел, лопатка-весёлке мое: пол, пол, пол. Долго или коротко ехала, снова в одной деревне ребята кричат: – Эй, мышка-норушка, приставай сладости с икрой поесть. – С какой икрой? – С осетровой икрой. – Ням, ням, ням, ням, еду отцов моих-с осетровой икрой буду, буду есть. К берегу пристала, наставили ей еды с осетровой икрой. И принялась мышка есть. Ела, ела, ела, ела, даже живот круглым стал. Тут закричали дети с улицы: – Мышка, мышка-норушка, весло твое и лодку твою водой смыло. Мышка вскочила, побежала на берег, споткнулась, упала в собачью яму, и лопнул ее живот. – Девочки, девочки, – закричала мышка, – принесите иголку с жилами, принесите иголку с дратвой, живот мой лопнул! Девочки прибежали быстро и зашили мышке-норушке дратвой и жилами живот. Поставили ее на ноги. Мышка-норушка, шатаясь, пошла к своей скорлупке-лодчонке с лопаточкой-веслом, села и, грустная, поехала дальше, даже про песни забыла. И только лодочка ее поет: тел, тел, тел, и только весло ее поет: пол, пол, пол.

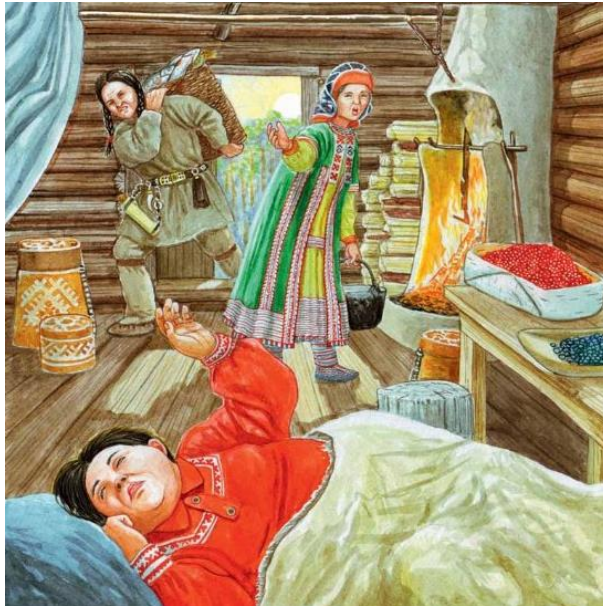
Смородинка.

Танюша много слышала о черенках, а что это такое — не знала. Однажды отец принёс пучок зелёных прутиков и сказал: — Это смородиновые черенки. Будем, Танюша, смородину сажать. Стала Таня разглядывать черенки. Ничего особенного, палочки как палочки — чуть длиннее карандаша. Удивилась Танюша: — Как же из этих палочек вырастет смородина, когда у них нет ни корешков, ни веточек? А отец отвечает: — Зато на них почки есть. Из нижних почек пойдут корешки. А вот из этой, верхней, вырастет смородиновый куст. Не верилось Танюше, что маленькая почка может стать большим кустом. И решила проверить. Сама решила смородинку вырастить. В палисаднике. Перед избой, под самыми окнами. А там лопухи с репейниками росли. Да такие цепкие, что и не сразу выполешь их. Бабушка помогла. Повыдергали они лопухи да репейники, и принялась Танюша землю вскапывать. Нелёгкая это работа. Сперва надо дёрн снять, потом комья разбить. А дёрн у земли толстый да жёсткий. И комья твёрдые. Много пришлось поработать Тане, пока земля покорила. Мягкой стала да рыхлой. Разметила Таня шнурком и колышками вскопанную землю. Всё сделала, как отец велел, и посадила рядками смородиновые черенки. Посадила Таня черенки и принялась ждать. Пришёл долгожданный день. Проклюнулись из почек ростки, а вскоре появились и листочки. К осени из ростков поднялись небольшие кустики. А ещё через год они зацвели и дали первые ягоды. По маленькой горсточке с каждого куста. Довольна Таня, что сама смородину вырастила. И люди радуются, глядя на девочку: — Вот какая хорошая «смородинка» у Калинниковых растёт. Настойчивая. Работящая. Черноглазая, с белой ленточкой в косе.

Автор: Е. Пермяк

Колькет

Жил в тайге, с отцом и матерью, Толстый Колькет. Лет парню совсем немного, а толстым стал.

Ничего Колькет не делал — ничего и не умел. Отец с матерью за него всё делали.

Вот наступает раннее утро. Чуть розовеет заря над урманом. Еще не видно за лесом и краешка солнца. Но в таёжке навстречу заре запела первая птичка, где-то в ветвях зашевелилась кедровка, вспомнила про кедровые шишки — скоро надо лететь за орехами. Пробежал хлопотун бурундучок, выглянула из дупла пушистая белка. Всё потянулось навстречу утру.

Проснулся отец Колькета — рыбак и охотник. Надо в обласок садиться, ехать сети смотреть. Рыбу на завтрак домой принести.

Взял отец весло, подошёл к Колькету:

— Вставай, сынок. За рыбой пойдём. Поможешь сеть вытаскивать...

Отмахнулся Колькет. На другой бок повернулся, опять заснул.

Покачал головой отец, ничего не сказал. Пошёл один к лодке. Поехал сети выбирать.

Проснулась мать Колькета. Надо дров собрать, огонь развести, пищу готовить. Надо красной брусники набрать. С чаем сладкой ягоды поесть. Зовёт мать с собой Колькета, будит его.

Махнул только рукой Колькет. Вниз лицом лёг — не мешай спать!

Вздохнула мать, ничего не сказала. Взяла топор, за дровами пошла. Нарубила сухих дров, принесла к очагу. Потом корзинку из тальника плетёную взяла, пошла бруснику собирать.

Поляна ягодами усыпана. На кочках и рядом полно брусники, собирай только. Полную корзину набрала, домой принесла.

Развела огонь в очаге, воду в котле греть поставила. Смотрит — отец Колькета идёт. Полную сетку рыбы несёт. Налимов больших, язей жирных.

Солнце взошло. Заиграла, запела тайга. А Колькет всё спит, похрапывает. С боку на бок поворачивается.

Отец с матерью рыбы начистили, уху стали варить.

Ветерок подул — дымком потянуло.

Хоть и спит Колькет, а нос рыбу чувствует. Щечечет нос Колькету рыбный запах. Открыл Колькет один глаз, потянулся, потом другой глаз открыл. Протер глаза кулаками. Сел.

— Уха готова? — спросил.

Мать ложкой зачерпнула ухи, попробовала — хороша уха, навариста! Колькет, с боку на бок переваливаясь, к реке пошёл. Кое-как поскорее умылся, рукавом утёрся, к котлу заторопился.

Вокруг котелка все сели. Мать хлеба нарезала. Колькет раньше всех самую большую ложку выбрал, потолще кусок хлеба взял, первым уху с куском рыбы зачерпнул.

Сидит, за обе щеки уплетает, живот поглаживает — чтобы больше вошло.

Наелся до отвала, устал даже ложкой махать. Решил Колькет: отдохнуть надо! Лёг под сосной, руки раскинул. А глаза сами закрылись.

Так и шёл день за днём. Поест Колькет, отдохнуть ляжет. Жиру ещё прибавится. Стал Колькет словно гусь осенью.

Шёл как-то мимо их дома старик, увидел Толстого Колькета, подивился. Отца с матерью спрашивает:

— Почему он у вас такой?

Мать с отцом признались:

— Не знаем, что с ним делать...

Старик им сказал:

— Я вас научу.

Отвел отца с матерью в сторону, сказал им какие-то слова. Какие — никто не слышал. Потом ушёл тот старик.

Тут отец стал невод собирать, с сушильных кольев снимать, говорит:

— Пойдём, мать, рыбу неводить. Пойдём, Колькет, и ты с нами. Будешь помогать невод тянуть.

Взяли на плечо невод. А Колькет глаза прищурил, будто не слышит, лежит. Охота ему в воду лезть?!

Отец с матерью дожидаться не стали, к берегу, на песчаные отмели, пошли. А Колькет опять к котелку, к корзинке с ягодой потянулся.

Мать с отцом только до первого борка дошли — навстречу им медведица с медвежонком. Медвежонок лапу к груди прижимает, идёт скулит.

Медведица к отцу с матерью его подвела, на лапу медвежонка показывает.

Малыш лапу щепкой занозил! Болит лапа.

Тут отец невод отложил на траву, взял лапу медвежонка, выдернул занозу.

Медвежонок от радости заплясал даже. Пляшет, лапами машет. А медведица кланяется. Спасибо говорит.

Пошли рыбаки дальше, спустились на пески. Раскинули невод, в реку отец по грудь зашёл, мать помельче, ближе к берегу. Идут, тянут невод.

Тяжело им. Десять, двадцать шагов идут. Стала рыба попадаться. Верхняя бечева вздрагивает, рыба в невод ударяет.

Видит медведица — тяжело людям, помочь надо, тоже на отмель пришла. В воду полезла, взялась за палку, невод сразу быстрее пошёл. Людям легче стало. А медвежонок на берегу бегают, веселится.

Стали все вместе невод на пески выбирать, а в нём рыбы набралось — вдвоём за раз и не донести бы! Сложили рыбу в мешки. Один медведица в охапку взяла, к дому понесла.

Медвежонок впереди бежит, переваливается. Подошёл к дому, видит — Колькет у котелка сидит, уху уплетает, живот разглаживает. Медвежонок носом потянул — вкусно!

К Колькету подошёл, лапу протягивает:

— Дай рыбы немножко. Или брусники дай.

А Колькет размахнулся и ложкой ударил медвежонка по носу. Заплакал медвежонок, в сторону отбежал. А Колькет взялся за бруснику. Всё лицо измазал, торопится, ест.

Тут рыбаки подошли. Отец с матерью медведице с медвежонком рыбы полную корзину наложили, в лес проводили.

А Колькет им вслед кулак показал.

— Зачем у меня рыбу отняли? Сам бы съел!

Тут скоро ночь наступила. Мать костёр разожгла. Рыбы на вертелах нажарила. Ещё поел Колькет сколько мог, спать лег. Всю ночь на одном боку пролежал, ни одного сна не видел.

Солнце высоко поднялось, проснулся Колькет. Живот погладил — в животе пусто. Надо поесть!

Посмотрел кругом — ни отца, ни матери нет. Позвал — никто не отзывается. Он кричать стал, на ноги встал, вокруг дома побегал — никого нет. Сел Колькет — думать стал.

«Отец, поди, за рыбой уплыл, мать дрова собирать пошла. Подожду — придут. Поем пока».

Он за котелок взялся — котелок пустой. Плохо, думает Колькет. Пригорюнился.

Лежит под кустом черёмухи скучный. Над ним ветви, ягодами усыпанные. Хоть и лень Колькету, а решил руку протянуть, ягоду сорвать.

Но черёмуха ветви от него в сторону отвела, не даёт сорвать ягоды.

А время идёт. Есть Колькету хочется. Посмотрел он на берег — одного обласка нет, другой здесь.

Тут он надумал: отец с матерью шишки кедровые бить пошли. Набьют, сладкие орехи сами съедят. Мерещится ему — сидят мать с отцом среди кедров, орехи щёлкают.

Тут решил он: поплыву к ним, где кедровый бор, найду их, буду орехи есть. Схватил Колькет весло, обласок на воду столкнул, сел кое-как, чуть лодку не перевернул, чуть в воду не упал. Сидит думает: зачем мне, как отцу, широкой стороной весла грести, силу тратить? Буду рукоятью грести, так легче будет.

Взялся Колькет за весло с другого конца. Рукоятью, как ножом, воду режет. Лодка его не слушается, вертится, к кедровому бору не плывёт. Подхватила Колькета река, понесла по течению в другую сторону. Скоро за поворотом скрылся дом из виду.

Испугался Колькет, кричать стал. А кто услышит? Тайга кругом. Наконец сообразил Колькет: надо к берегу прибаваться. Повернул он весло как надо, стал сильнее грести.

Направил лодку поперёк течения. Лодка послушней стала.

К берегу пристал Колькет, поднялся. Обласок на берег вытащил.

Сел на берегу, оглядывается — кругом тайга. Кедровые широко ветви раскинули, в них кедровые шишки спрятали.

Сосны вершинами к небу поднялись, шумят, говорят о чём-то друг с другом. А под ними заросли цветов таёжных — саранок.

Колькет хотел дальше пройти, запутался в траве, упал. Рассердился парень, схватил весло, начал цветы сбивать. А они все тесней сближаются.

Тут погода стала хмуриться. Ветер подул. Сильней зашумели сосны и кедровые. Солнце на закат пошло. Из глубины тайги ночь стала подступать. Всё вокруг потемнело.

Озирается Колькет. Что делать? Как ночевать буду?

Смотрит Колькет — в одной большой сосне дупло. Туда хотел спрятаться — побоялся. Вдруг там есть кто-нибудь?

Тут совсем темно стало. Тайга шумит. Прижался к сосне Колькет. Страшно ему. Мерещится — злой дух к нему подкрадывается, лапами машет, схватить Колькета хочет.

Колькет крепче весло сжал рукой. Размахнулся, ударил с разбегу. Весло по ветвям ближней ёлки прошло. Никакого лешего!

Чуть успокоился Колькет, смотрит — огни засветились, зелёными кошачьими глазами играют. «Рысь! — подумал Колькет. — Сейчас съест меня. Выручай меня, весло!» Опять разбежался, ударил веслом по огонькам. Огоньки потухли, а гнилушка-пень рассыпался.

Вздохнул Колькет, холодный пот со лба вытер. Только оглянулся, а вокруг него повсюду огоньки голубым светом горят, двигаются. Стал Колькет веслом размахивать, за огнями гоняться.

Думает, звери его окружают. А это светлячки оказались!

Устал Колькет, и боязно ему. Как быть? Хоть и страшно — полез в дупло.

Утром пробудился. Смотрит — светло, солнце высоко поднялось. Вылез Колькет из дупла.

Тут увидел он — кругом кедровые шишки нападали. Стал он их собирать. Есть охота, начал орехи щёлкать. Наелся немножко, страх наполовину прошёл.

Только сел Колькет — налетели на него комары. Один больше другого кусает. Сколько руками ни махал, не мог отбиться; заплакал с горя. «Съедят меня комары», — подумал.

Вдруг слышит Колькет голос. Поднял голову. Видит — тот старик к нему идёт.

— Что горюешь, парень? — спрашивает.

— Комары заели, — отвечает Колькет.

— Ну, это небольшая беда, — говорит старик. — Ты костёр разведи, дым комаров отгонит.

— Где огонь возьму? — Колькет спрашивает.

— А ты его сам добудь, научу как, — отвечает старик.

Повёл старик Колькета к сухой берёзе, заставил две палки вырезать. Заставил Колькета одну об другую тереть.

Колькету неохота было работать, да как комаров вспомнил, принялся за дело. Сначала не получалось ничего, а старик всё велит шибче да быстрее работать.

Колькета пот прошиб, хотел со лба рукавом его стереть — старик отдыха не даёт. Ещё быстрее работать велит.

Много ли, мало ли времени прошло, — дымок показался, потом искорка сверкнула, огонёк вспыхнул. Тут старик подул на него, тонкую берестинку поднес, вспыхнула она.

Из бересты да сухих веток они костёр развели, подбросили дров — густой дым пошёл — комаров как не бывало. Старик велел:

— Ты, парень, огонь береги. Костёр пусть всю ночь горит. С ним тебя и зверь не тронет.

Колькет жаловаться стал:

— Я есть хочу, что есть буду?

Старик отвечает:

— Это беда небольшая. Я тебя научу, как пищу добыть. Вот тебе клубок ниток, вяжи сеть. — Тут он ему показал, как ячею вязать.

Голод не ждёт, торопит. Принялся Колькет за дело. Сначала путались нитки, потом всё как надо пошло.

К вечеру сетка была готова. Старик две тычки вырубил. Сели они в обласок, выехали на рыбные места, старик научил, как сеть поставить, как утром снять её. Приплыли они к берегу, высадились. Старик велел Колькету дров побольше набрать, в костёр ночью подбрасывать. Пошёл Колькет дрова собирать.

Принёс большую охапку, а старика нет, ушёл. Делать нечего. Стал Колькет ночь коротать. Из еловых веток постель себе сделал. Поспит немного, проснётся, дров в костёр подбросит, чтобы не потух, ляжет, глядит в небо, звёздами усыпанное, а потом заснёт опять.

Утром, только заря над тайгой занялась, только первые птицы запели — разбудили Колькета, сел он в обласок, поехал сеть вынимать.

Подъехал в обласке к сети, потянул за поводок, сеть словно живая бьётся. Поднял её в обласок парень, в ней пять рыб больших чешуёй сверкают!

Обрадовался Колькет, скорей к берегу, где костёр горел, поплыл. Смотрит — старик его встречает. Колькет кричит:

— Удача мне выпала, рыбу поймал!

Тут старик ответил:

— Умелые руки приносят удачу, парень. Давай будем рыбу чистить, на вертелах жарить.

Научил он Колькета, как это сделать. Нажарили рыбы, вместе поели.

Колькет спрашивает:

— Всех рыб съедим, что дальше делать будем?

Старик засмеялся, ответил:

— Новых наловим. Вон, видишь, белка прыгает?

Посмотрел Колькет вверх — верно, по веткам кедрового дерева белка прыгает, из кедровых шишек орехи лущит, за щеку прячет.

— Собирает белка орехи, таскает в дупло к себе — на всю зиму. Всю зиму живёт, орехи грызёт. Так и мы, наловим много рыбы, навялим её, засушим, орехов наберём. Хочешь, пойдём собирать?

Колькет говорит:

— Как я на кедровое дерево полезу? Мне не подняться, сучья ломаются.

Старик сказал:

— Это беда небольшая. Мы колотушку сделаем. Будем ею шишки сбивать.

Стали они колотушку мастерить. Нашли тонкую сухую жёрдочку, нашли толстый сухой сук, обрезали, черёмухой лычки надрали. Старик лычкой к концу жёрдочки сучок привязал, колотушка получилась.

Пошли они в кедровый бор орехи бить. Высоко колотушку поднимут, ударят по кедровому суку, шишки к ногам падают. Целую гору шишек набрали. Так и пошел день за днём. Ловит Колькет рыбу, кедровые шишки бьёт, дрова собирает, огню в костре погаснуть не даёт.

А старик его всё новому учит.

Как стоя обласком править. Как лук со стрелами сделать. Как жилище построить.

Всему научился Колькет.

А старик вечерами всегда уходил куда-то, утром опять появлялся. Не раз он говорил Колькету:

— Кто другом к тебе придёт — хорошо встречай. На дружбе мир держится.

Сидел как-то вечером у костра Колькет рядом с недостроенным ещё жилищем. Услыхал парень лёгкие шаги. Оглянулся, видит — рядом лесной олень стоит. В рогах у него разлапистый сук застрял. Не мог олень сбросить его, измучился.

Встал, подошёл к нему Колькет, олень не шелохнулся. Парень сук из рогов вытащил, отбросил.

Вздыхнул олень радостно, головой встряхнул, словно поклонился Колькету, и исчез в тайге.

Переночевал парень. Утром пошёл за сухими жердями — жилище достраивать. Смотрит — стоит олень, ждёт его.

Колькет жердей набрал, связал, к становищу потащил — олень рядом пошёл, плечо подставляет, будто говорит — дай помогу! Колькету радостно стало. Перекинул через спину оленя конец верёвки. Потянули воз вместе. Дело веселей пошло.

И полетел по тайге слух:

— Добрый человек в лесу живёт.

Как-то на утренней заре приковылял к Колькету журавль. Он ногу на кочке вывихнул. Колькет ему помог.

Улетел журавль весёлый.

Немного времени прошло, смотрит Колькет — к нему вся журавлиная стая вышагивает! Спасибо пришли сказать.

Стали журавли пляски разыгрывать, веселить Колькета.

Молодой журавль на журавушке женился. Пляски начались свадебные журавлиные. Так занятно плясали журавли, коленца выкидывали — весело стало Колькету. И журавли довольны. Наигрались, наплясались, к себе домой отправились.

...А дни шли да шли.

Построил жильё Колькет. Рыбы навялил, засушил. Кедровых шишек много набрал. За работой незаметно похудел Колькет. Стал лёгким на ноги, сильным на руки.

Тем временем осень подошла к тайге.

Взмахнула она одним крылом — берёзы в золотой цвет одела.

Взмахнула другим — осины багряным цветом покрылись. Цветом зари загорелись на рябинах гроздья ягод.

Потянулись с севера гусиные караваны на юг.

Тут старик будто вспомнил:

— Ох, Колькет, отец с матерью тебя, поди, потеряли. Грузи орехи в обласок. Клади туда рыбу. Вернись к родителям. Я покажу, в какой стороне они живут.

Обрадовался Колькет, начал собираться. Стал в обласок рыбу сушёную, вяленую грузить, орехи складывать. Полный обласок нагрузил, а всего ещё много остаётся. Что делать?

Откуда ни возьмись помощь пришла. Первым олень прибежал — грузи на спину два мешка. Потом медведица с медвежонком явились, по мешку орехов в охапки взяли. А тут и журавлиная стая пришагала. Каждый по большой рыбине в клюв взял.

— А кому жильё останется? — спросил старика Колькет.

— Охотнику, прохожему пригодится. Положи туда запас рыбы, орехов. Дров сухих припаси, — посоветовал старик. — Может, человек голодный, мокрый придёт. Спасибо скажет.

Так и сделал Колькет. А старик сказал ему на прощанье:

— Помни, сынок: чужим трудом не проживёшь, человеком не станешь.

Колькет поклонился старику, спасибо сказал.

Стоя в обласке, против течения, навстречу солнцу, поплыл Колькет.

А по берегу весь караван за ним отправился. Долго вслед им смотрел старик.

Дивилась тайга: плывёт против течения, стоя в обласке, человек, а по берегу один за другим бегут за ним круторогий олень, медведица и медвежонок, выступают один за другим журавли с поклажей.

Ох как обрадовались отец и мать Колькета! Как вырос, изменился Колькет! Отец говорит:

— Совсем большой сын стал. Может, ты сильнее меня.

Тут взял Колькет отцовский лук, стрелу с железным наконечником, натянул тетиву до плеча, пустил стрелу. Полетела она к дальней сосне, поломанной бурей, ударила в ствол — насквозь прошла.

— Хорошо, сынок, — сказали отец с матерью.

Угощать они сына стали.

На праздник пришли к ним медведица с медвежонком, прибежал круторогий олень, прилетели друзья-журавли, примчались шустрые белки. Старик пожаловал. Его на самое почётное место усадили. Он что-то по пути черёмухе сказал. И вдруг та девушкой обернулась, и её к столу позвали.

Всем угощенья хватило, много разной еды было.

А медвежонок сел к туеску с мёдом, обнял его, начал лапами мёд черпать, причмокивал, живот поглаживал. Объялся, лёг на спину, лапы раскинул. Тут медведица спохватилась, за шиворот медвежонка взяла, к речке повела.

А медвежонок идти не может, падает.

Медведица за загривок подняла его, в реку окунула, заставила воду пить, купаться.

Смеялись все в тайге, на медвежонка глядя.

А потом долго ещё праздник шёл.

Журавли свои танцы показывали. Медведица со стариком в пляс пошли. Затанцевали таёжные цветы сараны, хоровод девичий закружили. Девушка Черёмушка с Колькетом с ними вместе плясали. А белки в больших колёсах кружились.

Долго в тайге все помнили, как пир шёл. И нам о том рассказали.

Маченкат.

Давно это было. Жили брат с сестрой. Отца, матери не помнили, одни в тайге выросли.

Сестра дома еду готовила, а брат зверя промыслял. Подошла охотничья пора — брат в тайгу собрался.

Брат сестре наказывал:

— Маченкат, если гости будут, ты хорошо встречай. Бурундучок придёт — накорми, сорока прилетит — накорми.

Брат ушел. Сестра из меха шубу шить начала. Работала, работала — ни сорока не прилетела, ни бурундучок не пришёл — медведица пожаловала! В дом вошла — поклонилась.

Маченкат испугалась, к печке подскочила, золы схватила, зверю в глаза бросила.

Медведица лапой прикрылась, заревела, по дорожке, по какой брат ушёл, побежала.

Время пришло — снег таять начал. Сестра брата ждёт. Сегодня ждёт и завтра ждёт. На край высохшего болота вышла. Видит: вихорь-снег вдали поднимается, будто брат идет навстречу. Думает: «Сердится, видно, на меня брат!» Смотрит, а вихорь пропал, брата не видно.

Пождала, пождала, повернула лыжи назад, пришла домой. Вечер прошёл, ночь прошла, а брата и утром нет.

Живет Маченкат одна. Снег совсем сходить начал. Снова она лыжи надевает, отправляется брата встречать. На болото вышла, опять то же видит: будто брат навстречу идет, снег-вихорь вверх поднимается. Маченкат подумала: «Пусть сердится брат — пойду встречать!»

Доходит до того места, где вихорь поднимался, а брата здесь нет, как не бывало. Лыжня, где он шел, заровнялась, а по ней медведь прошёл.

Сестра по медвежьему следу пошла. Дошла до края тайги — стоит нарта брата, а его нет нигде. Брат, видно, домой шёл, медведь его встретил. Сестра подумала: «Где искать брата?»

Вечером себе котомку сделала. Всю ночь не спала. Утром, только светло стало, на улицу вышла.

Лыжу взяла, бросила к вершине реки. Лыжа катиться не стала, перевернулась. «Туда дороги мне нет», — подумала сестра. Лыжу на низ бросила к устью. Туда лыжа покатила. «Вот куда идти надо!» Маченкат на лыжи, выдренным мехом подбитые, встала, по тому пути, куда лыжа покатила, пошла.

Долго ли, коротко ли шла — вечерняя пора подходит, дрова заготавливать время настало. Ночевать надо.

Маченкат пней гнилых натакала. Для растопки пень березовый сломить надо. Сломала пень — из-под него лягушка выскочила.

— Какая беда! — лягушка закричала. — Ты мой дом сломала. Хочешь меня заморозить?

Девушка ей говорит:

— Сломала — поправлю, я ведь не знала, что ты тут живёшь.

— Давай вместе ночевать, — говорит лягушка, — сёстрами будем. Я костёр разведу, котелок вскипачу, ужин приготовлю.

Занялась лягушка делом: гнилушки сыплет в котёл. Девушка говорит:

— Не будем гнилушки есть. Мясо сварим. У меня запас есть.

Согласилась лягушка:

— Давай мясо есть.

Сварили ужин, поели. Легли спать.

Утром лягушка говорит:

— Давай поменяемся на время одеждой и лыжами.

Девушка лягушкины лыжи-голицы надела, шубу дырявую надела, а лягушка — её лыжи, мехом подбитые, и шубу взяла.

Пошла девушка в гору, а лыжи назад катятся. Никогда она не ходила на лыжах-голицах — падает. Насилу догнала лягушку.

Лягушка радуется:

— Ой-ёй-ёй! Какие лыжи у тебя! Под гору сами катятся, в гору сами идут!

Маченкат говорит:

— Ох, какие худые у тебя лыжи! На гору не могла влезть на них.

Тут они снова поменялись одеждой и лыжами. Лягушка свою дырявую шубу надела, а девушка — соболиную шубку.

Лягушка говорит:

— Ты, девушка, для подружки ничего не жалеешь. Срок придёт — отплачу тебе.

Сварили они обед. Поели. Пошли своим путём.

Долго ли, коротко ли шли, слышат, где-то лес рубят. Они ближе подходят. Видят, люди город большой строят.

Лягушка сказала девушке:

— Сейчас нас женихи встретят. С золотыми подвязками мой жених будет, с ременными подвязками — твой жених.

Девушка лягушке отвечает:

— Что ты, сестричка, говоришь? В незнакомый город пришли, какие здесь женихи нам с тобой?

К берегу подходят, а два парня — навстречу к ним, одного звать Кана, другого — Колькет.

Кана человек умелый был, знает все и все может сделать. Девушка смотрит на Кану. На нем золотые подвязки. Кана к лягушке подошёл, поклонился ей, на плечо руку положил, и тут она в девицу-красавицу превратилась.

Колькет подошел к Маченкат, поклонился ей. Глаза голубые улыбаются, кудри вьются кольцами.

Колькет девушку Маченкат за руки стал брать:

— Я давно тебя ждал.

Она руку отдернула:

— Что ты! Никто меня сроду за руки не водил. Сама я сюда пришла, и на гору сама тоже пойду.

Колькет всё-таки помог на гору взойти. Им люди навстречу вышли, много народу.

Утром стали свадьбы готовить, столы поставили. Весь народ на праздник собрали. Пир был большой.

Долго ли, коротко ли жили — снег растаял. С реки лёд унесло.

Маченкат говорит Колькету:

— Надо съездить на родную сторону, брата родного поискать.

Собрались Колькет с женой и Кана со своей женой. Сделали лодку крытую. На родину Маченкат поехали по реке.

Кана говорит:

— Всё равно найдём его. Пока своего не добьёмся — искать будем.

Много ли, мало ли ехали, вдруг увидели они — несёт по реке щепки свежие. Подумали: «Кто щепки нарубил?»

Ещё немного проехали, увидели — на вершине кедра сидят маленькие медвежата, делят кедровые шишки. Слышат — спорят медвежата. Большой говорит:

— Я свои шишки тёте отдам.

А маленький говорит:

— А я дяде отдам.

Потом с кедра скатились на землю, к берегу подбежали, оземь ударились — ребятишками стали. Закричали:

— Дядя! Тётя! Нас в лодку посадите.

Кана говорит:

— Однако нашли мы твоего брата, Маченкат.

Посадили ребят в лодку, поехали дальше. Вот старший говорит:

— Тётя, мать сильно рассердилась, когда услышала, что ты едешь. Отец не сердится. Он дома вас будет встречать, а мать медведицей обернулась. Ты только не бойся, подходи.

Увидели они дом на берегу — брат Маченкат у входа их встретил. Обрадовался, всех в гости позвал.

Вскоре в избу вошла медведица. Маченкат вынула шёлку большой кусок, медведице поклонилась:

— Прости меня, — сказала и шёлком накрыла её.

Медведица на улицу вышла. Стряхнула с себя шкуру — женщиной стала.

В избу вошла — словами не рассказать, какая красавица. От волос и бровей будто серебро сыплется. Тут они помирились, поцеловались.

Смотрит Маченкат: у жены брата одна щека обожжена. Догадалась Маченкат, говорит ей:

— Разве я бросила бы золу в тебя, если бы знала? Брат наказывал: бурундучок придёт — накорми, сорока прилетит — накорми. А ты не бурундучком, не сорокой — медведицей пришла.

Брат сказал ей тут:

— Есть в тайге закон: кто другом в гости придёт, всегда хорошо встречай! На дружбе мир держится.

Тут начался у них пир. Сухари из мяса были, оленина была, сало лосиное было.

Долго пировали.

Идэ

Идэ остался сиротой, когда был маленьким. Мать умерла в тот год, когда Идэ родился. Отец-охотник в урман зверя промышлять ушёл — совсем не вернулся. Взяла его к себе бабушка Ымъял-Пая.

Вырос Идэ, но всего боялся. Никуда от бабушки не отходит, за бабушкин подол держится.

«Как отучить Идэ всего бояться, чтобы он на рыбалку ходил, на зверя ходил, смелым охотником стал?» — думала бабушка.

Был как-то урожайный на кедровые орехи год. Бабушка и говорит:

— Пойдём, Идэ, орешки собирать!

— Пойдём, бабушка!

Бабушка села в лёгкую лодку-долблёнку, усадила Идэ, положила ружьё, подтолкнула лодку — и поехали.

День был ясный. Солнышко светит. Тайга тихонько шумит. Тым-река от одной песчаной отмели до другой бежит.

Приехали бабушка с Идэ, вышли на берег, поднялись на гору, пошли в тайгу.

В тайге птицы поют. Далеко слышно: кедровка стучит, орешки из шишек выбирает.

Стали бабушка с Идэ орехи собирать. Кедры высоко головы подняли, в ветвях шишки спрятали. Старая Имъял-Пая колотушкой по сучку ударит — шишки сами падают.

Полную лодку орехов насыпали, домой собрались, а бабушка одну берестяную кошёлку с орехами на горе оставила.

— Ох, Идэ, кошёлку забыли! Сбегай принеси! — говорит она.

Идэ на гору побежал. Видит: лежит кошёлка, а рядом ружьё.

Идэ с горы глядит: бабушка оттолкнула лодку от берега и уехала.

Закричал Идэ, заплакал:

— Зачем ты оставила меня, бабушка?

Имъял-Пая даже не оглянулась ни разу — быстро гребла веслом, и скоро лодка совсем исчезла из виду.

Остался Идэ один в тайге. Начал по берегу бегать, искать, где бы спрятаться. Искал, искал — нашёл дупло. Залез в него, клубочком свернулся, лежит тихо, ружьё к себе прижимает.

Солнце спускаться стало, ветер подул, дождь пошёл. Тайга шумит, кедровые шишки падают, по дуплу стучат. Страшно Идэ. Думает: звери пришли, съедят его. Со страху кричать начал:

— Всего съешьте, только голову не троньте!

А его никто и не трогает. Только стук кругом идёт — шишки падают. Идэ ещё крепче ружьё к себе прижимает.

Сколько ни боялся Идэ, заснул всё-таки. Спал, спал — проснулся. Смотрит: светло стало, солнце высоко, птицы поют. Тайга тихонько шумит. Идэ ощупал себя. Цел ли? Левую руку протянул — здесь рука. Правую руку протянул — здесь рука.

Идэ из дупла выскочил, на ноги встал. Смотрит: кругом шишки. Ой, сколько шишек!

Стал Идэ шишки собирать и страх позабыл. Некого бояться!

Большую кучу шишек собрал Идэ, на берег посмотрел, видит — бабушка приехала. Идэ бабушке руками замахал, кричит:

— Зачем ты меня одного оставила?

А бабушка ему отвечает:

— Не сердись, Идэ. Ты — человек. С тобой никто ничего сделать не сможет. Человек везде хозяин. Теперь ты ничего бояться не будешь!

Подумал Идэ: «Правда бабушка. Не надо бояться».

Помирился Идэ с бабушкой. Опять стали они орехи собирать, полную лодку набрали и домой поехали.

Тым-река от песка к песку бежит. Высоко солнышко светит. Тайга тихонько шумит.

Хорошо!

С тех пор Идэ бояться перестал. Куда захочет — один идёт.

Так бабушка отучила внука бояться.

Медвежья трава.

Осенью один охотник ушёл на охоту. Ушёл, да так и не вернулся в чум. Его жена подумала, что он погиб где-нибудь в лесу. Ходила искать, но не нашла. Поплакала и вернулась к своим детям.

Прошла зима. На земле появилось много проталин. Стало тепло. В одно солнечное утро дети играли возле чума. Играли-играли да как закричат:

— Мама! К нам отец из лесу идёт.

— Какой там отец? — сказала она из чума. — Ваш отец осенью потерялся. Откуда он может прийти?

— Нет, мама, это наш отец идёт!

Дети говорили правду.

Мать вышла из чума и встретила мужа.

— Где же ты был целую зиму? — спросила она.

Муж сел и начал рассказывать всё, что с ним было:

— Осенью, когда я ушёл на охоту, в лесу я встретил медведя. Стал его гонять. Пищи со мной было мало, я обессилел и не мог догнать зверя. Но я видел, что медведь ел какую-то траву. Я нашёл эту траву и думаю: медведь ест и сытый бывает, почему бы мне не поесть её? Я поел и стал сытым. Погнался опять за медведем. Наткнулся на берлогу. Посмотрел: берлога пустая, зверь приготовил её, но не стал в ней зимовать. Я хотел идти дальше, но не смог. От медвежьей травы меня бросило в сон. Голова падает. Куда пойдёшь? Я снял лыжи, поставил к дереву, повесил на сук ружьё, залез в берлогу, заткнул мхом вход, лёг на медвежью постель и уснул. Уснул осенью, а проснулся только весной. Вот такая сытная да сонная эта медвежья трава...

Какую траву ел охотник, он никому не показал. Но старики говорят, что в тайге такая сонная трава растёт, и медведи знают её.

Хвастуны.

В одном чуме жили трое — береста, ягода брусника и горящий уголь. Они занимались охотой, но для этого у каждого из них было своё время. Уголь охотился только в ясные ветреные дни; береста выходила из чума лишь в сырую, ненастную пору; брусника не боялась ни дождливых, ни солнечных дней.

Жили-жили они вместе и заспорили между собой. Заспорили о том, сколько кто из них проживёт.

— Я буду жить долго-долго, — сказал уголь. — Я никогда не погасну. Я — огонь, и меня все боятся.

— Нет, уголь, ты скоро умрёшь, — сказала береста. — Я крепче тебя и брусники. Я переживу вас обоих.

— Нет, береста, ты меня не переживёшь, — сказала брусника. — Я никогда не умру. Я не боюсь того, чего боитесь вы с углём.

Поспорили и притихли. Настал солнечный день. Уголь и брусника ушли на охоту, береста осталась в чуме, чтобы дожидаться дождливой поры.

Уголь ушёл далеко в лес. Вдруг на небе собралась чёрная туча.

Уголь испугался и побежал в чум. Но из тучи хлынул дождь и залил уголь. Брусника вернулась с охоты и говорит бересте:

— Уголь-то пропал. Тоже хвалился!

Дождь лил и на другой день. Береста поглядела на небо и сказала:

— Дождя я не боюсь, пойду на охоту.

— И я не боюсь, — сказала брусника. — Я тоже пойду с тобой.

Пошли. Ушли далеко в лес. Дождь начал стихать. Брусника посмотрела кругом и говорит бересте:

— Вёдро будет.

Береста испугалась, побежала в чум.

Вдруг появилось солнце, стало жарко-жарко. Береста свернулась и умерла.

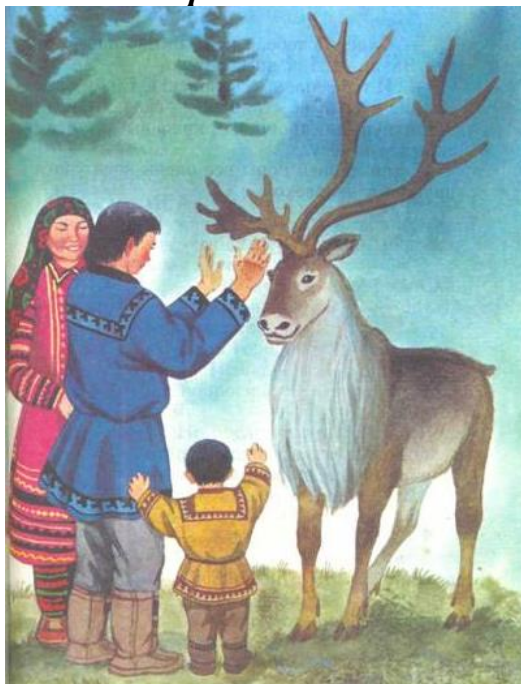
— Хвастунья! — сказала брусника, вернулась в чум и стала жить одна.

Был жаркий день. Брусника пошла на охоту. Вдруг появилась в небе туча. Брусника посмотрела на тучу и сама себе говорит:

— Что мне туча? Ни дождя, ни ведра я не боюсь. Пусть льёт дождь.

Из тучи повалил крупный град и подавил бруснику.

Гордый олень.

Есть у манси на Северном Урале любимое озеро — Ватка-Тур. Недалеко от него жил охотник Захар со своей семьёй. Был он трудолюбив, целыми днями ходил по тайге, охотился. Знал повадки каждого зверя, умел выслеживать хитрую лису, находить зимой медвежьи берлоги, ловить сохатого. Только оленей никогда не ловил — жалел их Захар.

Однажды летом пошёл Захар на озеро проверить поставленные им сети. Тихо на озере. Только и слышно, как рыба плеснёт или как утка вспорхнёт... Вдруг видит: недалеко от него стоит красавец олень. Засмотрелся на него охотник — весло из рук выпало, а олень вострепнулся, замер на миг, потом гордо поднял голову с сереньким пятнышком на лбу и убежал прочь.

Прошло лето. Пришла и ушла осень. Наступила зима. А зима на севере суровая да снежная. Трудно Захару с семьёй жить стало. Чум совсем худой, и на охоте удачи нет.

Пошёл Захар в лес. День идёт, другой, из сил выбивается, а на след зверя набрести не может. Вышел к болоту и видит: на краю болота стадо оленей пасётся, и среди них тот, с сереньким пятнышком на лбу.

Стал Захар потихоньку подползать к оленям. Вот уже совсем близко подполз. Быть бы ему с добычей, да дрогнуло сердце у охотника, жалко стало оленя убивать. Олени почуяли, что человек близко, и умчались.

Только хотел Захар повернуть обратно, вдруг видит: прямо к нему, опустив голову, идёт большой и сильный олень. Испугался Захар, а олень остановился около него и сказал человеческим голосом:

— Здравствуй, Захар! Давно я тебя знаю. Вижу, как ты трудишься, бродишь по тайге, а удачи тебе нет.

Захар отвечает:

— Спасибо, гордый олень, что добрым словом меня согрел.

— Будь завтра снова на этом месте, — проговорил олень и, высоко подняв голову, убежал.

На другой день, только показался первый луч солнца, Захар пошёл на болото. Красавец олень уже ждал его.

— Я буду твоим другом и помощником, — сказал он. — Садись на меня!

Быстро мчался олень по тайге. Сколько было радости и удивления, когда Захар вернулся домой!

Легче стало жить Захару: освободил его олень от самых трудных работ. Все привыкли к доброму оленю. И решил охотник отблагодарить его за доброту. Вечерами сидели они всей семьёй и вытаскивали, отделявали каждую веточку — делали оленю такие рога, каких ни у кого нет. И вот рога готовы — крепкие, ветвистые, красивые!

Весной, когда начал таять снег, запряг Захар оленя и посадил всю семью на нарты.

— Поехали! — крикнул Захар.

И они помчались по бескрайней тайге.

Вот и озеро Ватка-Тур. Захар освободил оленя из упряжки и вывел к тому месту, где впервые увидел его. Старший сын Захара принёс приготовленные для оленя рога.

— Это тебе, дорогой олень! — сказал Захар.

Олень гордо качнул головой с новыми рогами. Прошёлся по берегу озера, копнул острым рогом землю.

— Спасибо тебе, олень, за помощь, — сказал Захар. — Иди на свободу.

— И тебе спасибо, человек! С такими рогами мне и волк не страшен! — сказал олень и, встряхнув на прощанье красивыми рогами, скрылся в лесу.

С той давней поры все олени носят рога и дружат с человеком.

Отчего у зайца длинные уши.

Когда появились в лесу звери, самым главным у них был лось. Однажды на лесной полянке разговаривал лось с женой. Мимо бежал заяц. Услышал он, что лось с лосихой разговаривает, подкрался поближе, спрятался за пенёк, слушает.

— Есть у меня рога, которые я должен раздать зверям, — говорит лось. — Но зверей много, а рогов мало. Кому же дать?

Слушает заяц, думает: «Хорошо бы и мне рога получить. Чем я хуже других?»

— Кому вот эти рога дать? — спрашивает лось жену.

Только хотел заяц рот открыть, а лосиха отвечает:

— Эти оленю дай. Будет защищаться ими от врагов.

— Хорошо, — говорит лось. — А вот эти, большие, кому?

Тут заяц не вытерпел, высунулся из-за пенька, кричит:

— Эти мне дай, мне, зайцу!

— Что ты, братец? — удивился лось. — Куда тебе такие рога?

— Как — куда? — говорит заяц. — Мне рога очень нужны. Я всех врагов буду в страхе держать. Все меня бояться будут!

— Ну что ж, бери! — сказал лось и дал зайцу рога.

Обрадовался заяц, запрыгал, заплясал. Вдруг с кедра большая шишка свалилась ему на голову. Подскочил заяц — и бежать! Да не тут-то было! Запутался рогами в кустах, выпутаться не может, визжит со страху.

А лось с женой хохочут.

— Нет, брат, — говорит лось. — Трусливое у тебя сердце, а трусу и самые большие рога не помогут. Получай-ка ты длинные уши. Пускай все знают, что ты подслушивать любишь.

Так и остался заяц без рогов, а уши у него выросли длинные-предлинные.